

В нашэй дярвене пувесили на станцыи, нашэй деревенской, жэншшыну и мушшыну, повесили жэншшыну... А девочку такую во хлеф закрыли. Немцы там, на станцыи. Привяли потом дачники эту девочку. Она в Гдове сраза¹. Уже там ужэ она замужэм, и дети ужэ в ей большие выростили, бабушка там ей взяла. Так нявинную, жэншшына такая, нявинная была, да и мужык-то – ничóво. Ну, с немцам, он пришол с немцами рыбу лавить... Ну вот, ево и пувесили. Ой, а яю повесили, и говоря..., а нашы зарывали чатыре мушшыны. Думали, что и их зарюю. Так говори, повесили яю – пошла с носа кровь, и с низá пошла кровь... Повесили... Молодая жэншшына, хурошая. Ена ничóво, нявинная, она не наша, а вышэтшы со Гдова была за нашэво. Ой... на станцыи десять человек [повесили]...

А вот эта, сволоч такая вот немецкая... вот здесь штаб-квартира была, немцы здесь были. Это в ей... начальник – я и ня знаю, как и фамилия – не показывае, не говорил. Был этот, адъютант, вот, жыл в ей начальник, вот петлявик ходил – петлю который вешал. Под ручку пойдё с ей... и... по станцыи... и гавари: «Ката!» (её Катькой звать, а немец – так это язык-то такой акцент). «Ката! Гут?» – «Да, гут, гут!». Десять человек висели наших, нявинные люди, ой! ой!...

Пришла вот, как я, к дочке пришла, бабушка з Жалчі – на станцыю... Вот повесили што: дочку ейну, и внучку, и зятя, и ею – четварых с сёмьи повесили! А онну девушку – была девушка, докториной яна работала, не, фельшыром – повесили. Как она высказывалась! Я-то не видала – я там в лясу была. А нашы-то там были много... Как высказывалась она, как матери она наказывала, как ею повесили, што... перядайте матери... – молодая девушка... Ой! Десять человек висять! И вот она [Катька] так и вывернулася... С немцам ходила, ходила. А

---

¹ *Сраза* [живет] – сейчас, в настоящее время.

потом и русские пришли, пошла в баню с таким с русским, с капитаном, в баню. «Ты, – говори, – мне жана». И вот яна вот и топерь фсе она командуе. Гóни самагон <...>

Много в нашэй деревне – в опшшэм, семьдесят человек убили – ну ужэ это и куторые в городе жыли нашы дерявенские. Семьдесят человек убило, считали. А мой-то не подошли дети-то под эту...[по позрасту]. Да, вот этот вот малец – он был ушотшы в Ыстонию – хлеба-то не было, так в Ыстонию, там кормицца. И ешшо один парень был ушотшы. Так ён не подошел, вернулся. А тады б вот ево взяли бы, можэ быть, дватцать восьмово года – так не подошел, вот. И так вот это и остался, ён.